

УДК 94(470.11):316.343.33"18"+37.014.521:271.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.085–098

**Рукописный журнал
«Развитие» воспитанников Архангельской духовной
семинарии: диалоги издателей и читателей (1873–1874 гг.)**

Ю.А. Сафронова

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

В центре внимания статьи – рукописный журнал «Развитие» как феномен социальной жизни Архангельской духовной семинарии. Сосредоточившись на реакции анонимных рецензентов из числа учеников, автор выделяет наиболее волновавшие их вопросы. Автор показывает, что тексты, посвященные внутренним проблемам семинарии (плохой пище, исключениям за пьянство и т.п.), вызывали меньше откликов, чем суждения об экономических вопросах и положении «простого народа». Последние провоцировали критику читателей, основным посылом которой была несамостоятельность суждений членов редакции, опиравшихся на работы Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева. В заключение делается вывод, что журнал не послужил точкой сборки сообщества радикально настроенных семинаристов, как на это надеялись члены редакции, а выявил раскол в их среде.

Ключевые слова: православные духовные семинарии, поколение 1870-х, история чтения, рукописные журналы, народничество.

Ученические рукописные журналы как феномен социальной жизни детей и подростков в дореволюционной школе систематически привлекают внимание исследователей, поскольку дают редкую возможность увидеть тексты, написанные подростками для подростков. Особенно это касается проектов, созданных не в рамках педагогического процесса, а самостоятельно, зачастую втайне от учителей. В монографии 2007 г., посвященной школьным журналам начала XX в., Ю.Б. Балашова обратила внимание на то, что школьные журналы были инструментом социализации своих издателей¹. А.Б. Ляровский подчёркивает, что рукописный журнал – это не только текст, но и «социальный факт»: «Текст, опубликованный в журнале, читаемом одноклассниками, сам журнал, создаваемый в дружеской среде, –

¹ Балашова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб., 2007.

это социальный опыт, опыт деятельности, формирующий и навыки, и идеи, сплачивающий или раскалывающий сообщество...»².

Несмотря на интерес к дореволюционной школьной журналистике, исследователи в основном работают с изданиями начала XX в., т. к. произошедшая после революции 1905–1907 гг. либерализация среднего образования способствовала всплеску ученической самодеятельности. Более ранние издания составляют большую редкость, в основном они известны в цитатах и пересказах современников³. Возможно, такое впечатление создаётся, поскольку исследователи ищут школьные издания в архивных фондах учебных заведений. Между тем большим потенциалом обладают фонды вещественных доказательств Особого присутствия Правительствующего Сената (Государственный архив Российской Федерации) и Министерства юстиции (Российский государственный исторический архив), где представлены рукописные издания 1870-х гг., изъятые в ходе обысков по делу о революционной пропаганде в империи. Статья посвящена одному из них – рукописному журналу архангельских семинаристов под названием «Развитие», издававшемуся весной 1874 г. в местной духовной семинарии. В фокусе внимания – взаимоотношения издателей журнала со своими читателями.

Следует подчеркнуть, что издание рукописного журнала архангельцами не было уникальным явлением: во многих семинариях такие проекты существовали более или менее открыто, иногда даже с разрешения педагогического собрания правления. Ревизор учебного комитета И.К. Зинченко, обнаруживший подобный журнал с характерным названием «Деятельность» в Харьковской духовной семинарии в 1870 г., писал в отчёте, что подобные проекты неоднократно возникали среди духовных воспитанников, но они «недолговечные и почти не оставляют по себе следа в педагогической жизни заведений»⁴.

Осенью 1873 г. ученики третьего класса Архангельской семинарии Платон Иванов и Михаил Колчин, а также поступивший вместе с ними в 1871 г., но оставленный на второй год в первом классе, а потому учившийся классом младше Иван Денежников, почувствовали «тоску». Год спустя, в сентябре 1874 г., Платон Иванов, испытывая то же состояние духа, писал, что причиной всему было несоответствие семинарского воспитания потребностям юности: «Не у нас ли воспитание такая штука, которая в самой себе заключает такое зло, которое уничтожает цель, к которой оно стремится»⁵. Учителя, с его точки зрения, демонстрировали «апатию к науке и нравственности», программа обучения – «пустоту и бессодержательность»,

² Лярский А.Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 119.

³ Там же. С. 117.

⁴ Зинченко И. К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). СПб., 1875. С. 12.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 9 об.

а весь смысл духовного образования сводился к тому, чтобы «занять известное положение в обществе»⁶. В недатированном черновике письма, относящегося, по-видимому, к весне 1874 г., Иван Денежников описывал своё «недовольство жизнью жалкою, гадкою, окружающей полуспячей жизнью» в «неуклюжей, скучной, казенной семинарии»⁷. В программной статье журнала «Развитие», ставшего ответом на жажду деятельности, он писал: «Мы преступно спим, убаюкиваемые о. Ректором и его клеветами. Умственная спячка вошла в плоть и кровь нашу (за исключением немногих). Несмотря на это, многие из нас понимают, что нам чего-то не достает, мы жаждем умственной жизни – развития»⁸.

Иванов, Колчин и Денежников поступили в семинарию осенью 1871 г. из Архангельского духовного училища, где до этого также учились вместе. В первый класс вместе с ними поступило всего 16 человек и ещё два ученика были оставлены в нём на второй год. К осени 1873 г. 13 из них были в 3-м классе, и ещё два во 2-м⁹. Связь между классами обеспечивали не только второгодники, но и редкое для духовных семинарий этого времени проживание почти всех учеников в семинарском общежитии, в котором было 8 спален, где ученики проводили и дневное время¹⁰. Весной 1874 г., когда Иванов, Колчин и Денежников решили создать семинарский рукописный журнал, чтобы «пробудить других к деятельности, к труду»¹¹, они смогли привлечь в редакцию первоклассника Михаила Усердова. Платон Иванов патетически писал о своих отношениях с Денежниковым: «1873/4 года сблизили нас, и мы никогда не разъединимся. Вот мое мнение»¹². На этом этапе журнал действительно выглядел как предприятие группы друзей, сплочённых общими взглядами.

Журнал был не только ответом на «тоску», но и попыткой возродить время «общинно-разумной жизни», пришедшейся на 1870–1872 гг., когда в семинарии учился старший брат Платона Пётр Иванов. В это время семинаристы активно читали радикальную литературу, общались с политическими ссыльными и готовились к поступлению в высшие учебные заведения. К 1873 г. этот «благородный отросток самым варварским способом был вырван», а старшеклассники отчислились из семинарии, и уехали из Архангельска. Затеяв журнал, его создатели в первом номере пригласили всех читателей стать сотрудниками: «Просим все писать, и писать и хорошее, и дурное, что нас волнует, о чем мы думаем. Стыдиться нечего. Кто

⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 9 об.

⁷ Там же. Л. 42.

⁸ Там же. Л. 151.

⁹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 450. Л. 338 об. – 339.

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 75.

¹¹ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 42.

¹² Там же. Л. 10.

виноват в том, если худо написано. Тебе не дали хорошего развития. Значит, виноват не ты, а начальство, словом воспитатели»¹³.

Редакция не предполагала, что семинаристы могут собираться и устно обсуждать волновавшие их вопросы, но отнюдь не из-за дисциплинарных мер. Денежников писал: «... мы, семинаристы, люди застенчивые даже между собой - застенчивость запрещает нам обратиться, даже если и знаешь к кому. Обмениваться [мыслями] можем на бумаге»¹⁴. В этом случае мы видим отличие от опыта светской школы, где создание журнала было «... увлекательным, опасным и захватывающим предприятием, связанным с тайными собраниями по вечерам, с ночными переписываниями статей, с трепетным ожиданием критических отзывов товарищей и попытками уберечь свое детище от начальства и т. д.»¹⁵. Все номера журнала были переписаны набело Иваном Денежниковым, который в качестве редактора оставлял комментарии к статьям соиздателей. Например, к статье Михаила Колчина «Очерки строения и отправления человеческого тела» в № 2 он оставил примечание «Об этом у Писарева в X т.»¹⁶. Это может свидетельствовать о том, что предварительного обсуждения текстов единомышленниками не было, а по ночам работал один Денежников.

В программной статье, из которой состоял первый номер, цель журнала была заявлена исключительно как просветительская. Предполагалось компенсировать недостатки семинарского образования саморазвитием. На пути к реализации этой цели стояло отсутствие книг и времени на их чтение из-за изучения обязательных предметов. Редакция предлагала обмениваться имеющимися знаниями, сумма которых была бы больше прочитанного одним человеком: «у каждого из нас есть экстракт, составленный из разных книг по всем отраслям науки». Предполагалось, что, если кого-то из читателей заинтересует помещенная в журнале статья, дальше он сможет сам обратиться к «более научным источникам»¹⁷. Таким образом, в первом номере издание позиционировалось как популяризаторское, хотя уже было наполнено риторикой, направленной против «воспитателей». Если верить письму Платона Иванова 1874 г., первоначальной целью журнала была «Борьба с началами воспитания нашего и орудиями этого воспитания»¹⁸.

Во втором номере под псевдонимами были опубликованы четыре статьи, полностью реализовывавшие обе цели. «Наши черёдные» Иванова и «Несправедливо обиженный» Усердова были посвящены проблемам семинарии: имитация ученического представительства в лице «черёдных», плохая пища, исключение за пьянство. Последней теме Усердов посвятил также статью «Самолюбие», вышедшую в № 3. При расследовании дела об издании журнала осенью 1874 г. он доказывал, что писал заметки для себя,

¹³ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 154 об.

¹⁴ Там же. Л. 154 об.

¹⁵ Ляровский А.Б. Школьные рукописные журналы. С. 119.

¹⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 164 об.

¹⁷ Там же. Л. 154.

¹⁸ Там же. Л. 9 – 9 об.

а в журнал они попали без его ведома¹⁹. Поверить в это сложно, т. к. статьи Усердова размещены в № 2 и 3 «Развития». Едва ли вторая статья могла быть обнародована, если автор был против публикации первой. Однако идеи Усердова, как будет показано ниже, не полностью совпадали с программой журнала. Также для издания была запланирована статья «Рецепт, по которому из человека можно сделать машину (правила поведения, составленные для учеников Арх.д.сем)». Лист с таким заголовком, но без текста был отобран у Михаила Колчина²⁰.

Статьи, посвящённые семинарским проблемам, вызвали не так много откликов, как статьи на другие темы. К «Нашим черёдным» было оставлено карандашом два комментария, оба противоречивших тексту Иванова. Он утверждал, что черёдные неэффективны, т. к. не видят смысла сообщать ректору о затруднениях учеников: «Часто бывали случаи, что доносили отцу ректору о несправедливостях, худой пище – ничего не воследовало». Аноним внёс уточнение, подрывавшее основной тезис: «2 раза – 1 несправедливо, другой верно и сделано распоряжение»²¹. Он же высказался в защиту ректора, которого Иванов описал как «врага всяких реформ»: «NB нет. Дело не том»²². Таким образом, расчёт издателей на объединение учеников для борьбы с начальством сразу же не оправдался: у ректора нашёлся анонимный защитник. Столь же лаконичной и негативной была реакция на первую статью Усердова об ученике III класса Иване Фиделине, исключённом в апреле 1874 г. за пьянство²³ («... возвратился из города в семинарское общежитие до такой степени пьян, что не мог ни прямо стоять, ни свободно говорить»²⁴). Автор статьи оправдывал пьянство семинаристов отсутствием «всякой радости», утверждая, что не всем дано углубиться в самообразование настолько, чтобы чтением подавлялась «всякая блажь или менее сильные страсти». «Надоедят чтение учебных книг и посторонних. Дисциплина говорит, что ничего не делай, как только занимайся, т. е. все учи», и ученик покупает «косушку»²⁵. Неизвестный автор подчеркнул в тексте карандашом слова «дисциплина» и «только занимайся», приписав к первому слово «нет». Хотя эти подчёркивания можно интерпретировать по-разному, скорее всего комментатор хотел сказать, что можно «заниматься» и не вследствие требования начальства, а по собственному желанию. В целом статья Усердова не совпадала с программной статьёй, в которой внеучебное чтение объявлялось панацеей от всех бед. Её включение в номер свидетельствует, что издатели не были сплочённой группой с об-

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 349.

²⁰ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 142а.

²¹ Там же. Л. 156 об.

²² Там же. Л. 157.

²³ Там же. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 349.

²⁴ Григорьевский М.Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 год). СПб.: 1876. С. 24.

²⁵ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 159 об.

щими взглядами, которые обсуждали вместе своё детище и координировали усилия по написанию текстов.

Больше всего откликов вызвала статья Платона Иванова «Наше ученье», помещённая в № 3, датированном 6 мая. К ней оставлены комментарии тремя разными почерками, не совпадающими с почерком заметок на втором номере. Статья также была посвящена теме пьянства, но уже как общественной проблеме: «Кто пьяницы – простой народ или привилегированный?» Возможно, реакция читателей была вызвана обращением автора к ним, начавшего текст вызовом к «братьям-семинарам»: «Что, надумали и рассудили? Если рассудили, то отвечайте на следующие вопросы»²⁶. Статья, открывавшаяся осуждением пьющих от праздности «аристократов», в итоге превратилась в политический памфлет, разоблачающий «капиталистов» и экономическое неравенство. В ней были процитированы Н.Г. Чернышевский и Д.И. Писарев.

Все три читателя высказали несогласие с тезисами автора. При этом критики обращали внимание на разные моменты. Первый из них, по-видимому, разделял с редакцией веру в облагораживающую силу самообразования. В ответ на рассуждения Иванова о том, что экономический гнёт, а не невежество доводит крестьян до преступлений («тем с меньшим и меньшим уважением вы начинаете относиться к личности ваших ближних»), читатель возразил: «образование и есть та сила, которая не позволяет человеку огрубеть под влиянием дурной обстановки»²⁷. Тут следует отметить, что третий номер журнала был гораздо более радикальным, чем первые два. После разгрома издания Платон Иванов писал об ошибочности эволюции журнала в сторону социальных вопросов: «... дураки мы были, что отступили от этой цели (самообразования. – Ю.С.)»²⁸. Анонимный рецензент, по-видимому, оставался верен первоначальным идеям редакции, что целью деятельности семинаристов должно быть просвещение себя, а после – простого народа.

Второй комментатор оставил заметку к следующему за этими рассуждениями фрагменту: «Когда я получу тяжелое оскорбление от кого-нибудь, то я готов выместить на первом попавшемся человеке и даже вещи... Удивительно ли после этого, что крестьянин в каждый день ходит сердитый и злой и иногда эту злость изливает на спину своей жены (здесь и далее подчеркивания в источнике. – Ю.С.)». Он не только подчеркнул возмущавшую его фразу о домашнем насилии, но и оставил вопрос, прямо обращенный к автору: «Это по рецензенту тоже самозащита?»²⁹ Ему также принадлежат подчёркивания и комментарии к заключительной части текста, касавшейся устройства экономических отношений. Иванов, ставя вопрос о необходимости участия капиталиста в производстве, писал: «Капиталист без работников не может произвести никакой работы, а работники

²⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 167.

²⁷ Там же. Л. 169.

²⁸ Там же. Л. 9 об.

²⁹ Там же. Л. 169 – 169 об.

могут обойтись и без него». Далее он утверждал, ссылаясь на Чернышевского, что труд важнее капитала, следовательно, присвоение капиталистом большей части дохода является преступлением. Комментатор возражал именно против теоретических посылок. В размышлениях о ненужности капиталиста он подчеркнул перечисление средств производства «топоры, лопаты, машины, материала для производства и пр.», добавив: «для всего этого нужен капитал. Следовательно работники никак не могут обойтись без капитала»³⁰. Он также обратил внимание на несамостоятельность идей Иванова, далеких от реальной жизни. «При какой угодно работе главный бывает капиталист. Он нанимает за какую-нибудь ничтожную плату работников и заставляет их производить ту или другую работу», – писал автор статьи. Его читатель оставил подпись «теория» на полях возле подчёркнутых им двух слов³¹.

К фразе Иванова, что закон не называет капиталиста «вором», была сделана ещё более длинная приписка: «Работники вольны наниматься и не наниматься к капиталисту. Правда, к первому побуждает их необходимость и если капиталист пользуется этой необходимостью, то он грешит против нравственного закона, но юридически он нисколько не виновен»³². В этих комментариях мы видим, как обсуждение политэкономических идей, почерпнутых из демократической литературы, сочетается с рассуждениями о нравственных максимах. Очевидно, читатель не одобрял эксплуатацию рабочих, но и социалистический идеал, основанный на отрицании сложившегося экономического порядка, был ему не близок. Именно этот комментатор вникал в текст Иванова глубже всего, тон его высказываний был нейтральным, а аргументы, особенно последний, развёрнутыми.

По контрасту третий комментатор реагировал на статью Иванова запальчиво и не стеснялся в выражениях. Как и второй читатель, он отмечал несамостоятельность суждений Иванова. Однако, если предыдущий читатель ограничился словом «теория», этот последовательно выделил все отсылки автора к авторитетам. Возможно, его спровоцировал сам Иванов, грубо отозвавшийся обо всех, кто не умеет мыслить самостоятельно, что, по-видимому, было воспринято читателем на свой счёт. Иванов писал: «Слепые, которые ничего не видят, что совершается в мире, или какие-нибудь нравственные уроды, бестолковые бараны, которым, что скажет начальство, так они этому и вторят без всякой с своей стороны проверки и без всякого основания. Горько обманываются те, которые верят чему бы то ни было без рассуждения, без доказательства и оснований, полагаясь на авторитет». Читатель обратился напрямую к автору на полях: «А ты-то? неужели все это плод твоих собственных размышлений?»³³. Задавшись целью вывести автора на чистую воду, он при первом же появлении цитаты из Писарева приписал «а вот и авторитет», повернув риторику Иванова против него. Там, где вто-

³⁰ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 172.

³¹ Там же. Л. 171 об.

³² Там же. Л. 172 об.

³³ Там же. Л. 170 об.

рой читатель отреагировал на суть идей о большей важности труда, чем капитала, третий зацепился за фразу, что эти мысли принадлежали «лучшим политико-экономистам». Он оставил к ней комментарий, отсылавший к процитированным выше словам про «баранов»: «Тоже полагается на слово авторитетов. Почем знать, может быть, не основательно они говорят. По твоим воззрениям, и ты животное, а не человек»³⁴.

В обсуждении следующей статьи номера, написанной Михаилом Колчиным, приняли участие первый и второй читатели. Визионерская статья «Будущее» была посвящена идеальному устройству будущего мира и должна была ответить на вопросы, «каким способом достигли люди до такого положения, в чем заключается сущность их социальной жизни»³⁵. Инспектор семинарии на основании сочинения, а также беседы с учеником, установил, что оно было написано под влиянием книги английского экономиста В.Т. Торнтона «Труд: Его ложные требования и законы права, его настоящее положение и возможная будущность», а также сочинений Н.Г. Чернышевского³⁶. Заключение было вызвано желанием доказать несамостоятельность ученика, сведя его текст к «заблуждениям рассудка, усиливающегося утвердить свои мысли на авторитете других»³⁷. Колчин в статье не скрывал, что его идеи основаны на трудах «далеко зорких мыслителей (не метафизиков, а реалистов)»³⁸, но свести их список к двум указанным инспектором авторам невозможно. Влияние «Четвертого сна Веры Павловны» и поэтической «Утопии труда» Торнтона, переданной в русском переводе в прозе, сказалось скорее на форме статьи, чем на содержании. «Будущее» Колчин увидел во сне, как героиня «Что делать?». У Чернышевского Колчин позаимствовал также представление об идеале как о пасторальной идиллии, где основное занятие – это сельское хозяйство. Идеал был достигнут с помощью «всемирного социального переворота», имевшего насильственный характер: «Начался далеко не равный бой. В нем обыкновенно не обошлось без кровопролития. Народ восторжествовал. Многие из аристократов желали лучше умереть, чем отдавать свои будто бы законные права и имение – и умерли, т. е. были убиты»³⁹. Статья не была закончена, автор обещал продолжение в следующем номере, но на допросе в губернском жандармском отделении показал, что сжёг его.

Первый читатель оставил только личный выпад против автора рядом с его рассуждениями о неравенстве: «предкам наших сливок удалось ограбить бедных и бессильных». Он язвительно написал «напр[имер] твой отец»⁴⁰. При этом отец семинариста Андрей Колчин был приходским свя-

³⁴ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 172.

³⁵ Там же. Л. 175.

³⁶ Там же. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 345 об.

³⁷ Там же. Л. 346 об.

³⁸ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 174.

³⁹ Там же. Л. 174.

⁴⁰ Там же. Л. 173.

щенником Холмогорского уезда Пиньшигенского прихода⁴¹, и, хотя его сын учился за счёт родителя, едва ли он принадлежал к «сливкам», о которых писал автор. В этом случае мы имеем дело с укоренившейся среди семинаристов 1870-х гг. неприязнью к духовному поприщу, спровоцировавшей массовый выход учеников духовных семинарий из сословия и выбор светских профессий⁴².

Второй читатель продолжил ту же линию обсуждения статьи, которой он придерживался ранее. Он отмечал слабые места и несамостоятельные суждения, не переходя на личности. Сначала его внимание привлекли описание гостиной, полной «разодетых дам», противопоставленной «маленькой лачужке». Подчеркнув пассаж о дамах, рецензент задал справедливый вопрос: «Видал ли это автор?»⁴³ Следующий комментарий касался революционной риторики автора, вопрошавшего, как долго народ будет терпеть «тупоголовых вырождаков человечества, которые, благодаря своему происхождению, занимают первые места в обществе». В отличие от автора статьи, надеявшегося, что, избавившись от привилегированных классов, народ будет жить «по-человечески», читатель предсказывал: «дикарями станет»⁴⁴. Устройство будущего общества, в котором «Все люди пользуются одинаковыми правами, никто ни над кем не начальствует, никто никому не повинует», он назвал «туманным»⁴⁵. Наконец, самым слабым ему показался механизм правового регулирования общества будущего. По Колчину, высшим наказанием за любое преступление было изгнание из общины, ставшей главной единицей общественной жизни. Читатель резонно спрашивал про изгнание: «Куда? а если их будет большинство?»⁴⁶ Как и в первом случае, он не спорил с базовыми идеями, но отмечал слабость конкретных аргументов. В тексте также было много подчеркиваний и знаков вопроса, по-видимому, оставленных им же, т. к. они относятся к слабым местам. Например, в рассказе о том, как была достигнута социальная идиллия, выделено два слова, с которыми читатель был не согласен: «... явились вопросы об устройстве социальной жизни. Вопросы эти решила сама жизнь», после чего поставлен знак вопроса.

Наконец, у журнала был ещё один читатель, оставивший длинное рассуждение после последней статьи третьего номера «Сельские учителя», написанной Иваном Денежниковым. Статья была посвящена критике семинаристов, поступавших в сельские школы, «чтобы выждать выгодное поповское место. От них нечего ждать, чтобы серьезно занялись делом, да и головы-то у них наполнены только богословскими науками»⁴⁷. В черно-

⁴¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 17. Л. 7.

⁴² См.: Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

⁴³ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 173.

⁴⁴ Там же. Л. 173 об.

⁴⁵ Там же. Л. 176.

⁴⁶ Там же. Л. 177 об.

⁴⁷ Там же. Л. 183 об.

вой версии этой статьи Денежников был ещё более резок. Он утверждал, что идея стать сельским учителем широко распространена в семинарии, но у поборников этой идеи эгоистическая цель «заслужить имя полезного деятеля», к тому же совершенно умозрительная. Семинаристы желают «просветить воображаемых друзей меньших братьев» не сами по себе, а «начитавшись книжек или услышав от кого-нибудь»⁴⁸. К сожалению, именно у этой страницы оторвана половина, поэтому аргументы Денежникова о несамостоятельности идеала жизни в качестве сельского учителя остаются не вполне ясными. Зато совершенно очевиден основной довод против народного образования: «Надо по-настоящему сначала улучшить материальное положение народа, а потом приниматься его образовывать. При настоящем положении народа бесполезно его и образование»⁴⁹, вариация которого сохранилась в финальном варианте. Эта идея, по-видимому, была позаимствована из нелегальной брошюры «Государственность и анархия» М.А. Бакунина, цитаты из которой есть в черновых заметках семинариста⁵⁰. Бакунин писал: «... самому народу нашему в его настоящем слишком бедственном положении совсем не до науки. Для того чтобы сделать доступною для него теорию, надо переменить его практику и прежде всего преобразовать радикально экономические условия его быта»⁵¹. Интересно, что в финальную версию «Сельских учителей» заимствования из Бакунина не попали. То ли Денежников не считал своих читателей достаточно подготовленными к подобным воззрениям, то ли сам не до конца верил призыву идти бунтовать народ.

В отличие от большинства радикально настроенной молодежи 1870-х гг., считавшей место сельского учителя одним из немногих легальных способов получить доступ к «народу», для учащихся духовных семинарий ситуация была амбивалентной. С одной стороны, место сельского учителя действительно могло восприниматься как способ отдать «долг народу» и избежать принятия сана. О нем мечтали и выпускники Архангельской духовной семинарии, учившиеся всего несколькими годами ранее Денежникова и его соиздателей. С другой стороны, Синод последовательно поощрял поступление выпускников семинарий на учительские места. В 1869 г. трехлетняя служба в сельской школе была приравнена к службе в качестве псаломщика для тех выпускников, кто ожидал вакантного места священника после выпуска. В 1874 г. было разрешено освобождать от возмещения затрат на обучение в семинарии казеннокоштных воспитанников, вышедших из духовного ведомства в гражданское, если они выслуживали трехлетний срок в качестве сельских учителей. В этом случае интересна обосновывающее это решение аргументация Синода: «... полезная в деле народного образования служба учителей сельских школ находится в связи с

⁴⁸ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 36.

⁴⁹ Там же. Л. 37.

⁵⁰ Там же. Л. 43, 47, 57.

⁵¹ М.А. Бакунин Государственность и анархия [Электронный ресурс]: URL: http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0050.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

просветительскою деятельностью Церкви и оказывает сей последней немаловажное содействие»⁵². Таким образом, место сельского учителя было как способом остаться внутри сословия, так и путём выхода из него, особенно актуальным для тех выпускников семинарий, кто должен был возместить епархии расходы на своё образование. Таким образом, нападки Денежникова на сельских учителей, вероятно, задевали лично тех семинаристов, которые рассматривали службу в сельской школе в качестве возможного будущего поприща, какими бы ни были при этом их мотивы.

Автор комментария строил свои возражения Денежникову на том, что введённый 1 января 1874 г. «Устав о воинской повинности», сокративший на два года срок службы для солдат, закончивших сельскую школу, делает её востребованной среди крестьянского населения. Это был ответ на рассуждения Денежникова, что плохие учителя из бывших семинаристов настолько подрывают репутацию школ, что «Скоро уже мужики не будут и детей-то отдавать учиться в школу, ибо пользы нет никакой в таком учении. Какая тут польза от того, что мальчик научится еле-еле писать, читать...». К выделенной фразе была сделана приписка на полях: «О, это много значит для крестьянина»⁵³. Рецензент также посчитал нужным высказаться в пространном отзыве: «В защиту пьяных, исключенных из семинарии нашей собратьев скажу, что они виноваты в том, что взялись не за свое дело, но не в незнании науки о воспитании, которую им никто никогда не сообщал. Но кто же лучше для школы: хромой пьяный ветеран или подчас пьяный, но еще полный сил семинарист?»⁵⁴.

Таким образом, у журнала было минимум пять читателей, не оставшихся равнодушными к содержанию второго и третьего номеров. На их замечания редакция составила ответ, в котором определила роль читателей: «Гг. рецензенты, если вы хотите высказать свое мнение, то потрудитесь в конце обозначать свою фамилию, а то замечания ваши подобны киданию грязью из-за угла»⁵⁵. Из сотрудников, которых в статье первого номера приглашали присоединиться к общему делу, читатели превратились в критиков, показывающих слабые места текстов и выражавших несогласие с основными идеями авторов. Журнал «Развитие» стал не инструментом консолидации семинарского сообщества, как на это надеялись издатели. Напротив, он вскрыл противоречия не только между критиками ректора и его защитником, но и внутри прогрессивной части учеников, вероятно, рассматривавших для себя место сельского учителя как возможное будущее. Радикализация авторов журнала, произошедшая под влиянием чтения «Государственности и анархии» Бакунина, очевидно, была не близка читателям. Наиболее бурно они реагировали не на статьи о семинарских порядках, а на тексты, содержавшие в себе социалистические идеи о тяжёлом положении народа и способах вывести его из-под гнёта капиталистов.

⁵² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874. Д. 80. Л. 12.

⁵³ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 184.

⁵⁴ Там же. Л. 185а об.

⁵⁵ Там же.

Важно отметить, что никакой реакции не вызвали две статьи Михаила Колчина «Поэзия трубадуров имела ли какое-нибудь влияние на народ» и «Очерки строения и отправления человеческого тела», которые должны были реализовать объявленную в первом номере программу на обмен знаниями. Судя по всему, обе темы были не интересны читателям «Развития».

2 июня 1874 г. журнал был обнаружен инспектором семинарии. Комментарий на полях стали для педагогов свидетельством, что их воспитанники в большинстве своём не поддерживают идеи «Развития». В разговоре с начальником местного губернского жандармского управления П.А. Есиповым ректор архимандрит Донат утверждал: «никто из прочих учеников не участвовал и не сочувствовал статьям Денежникова, а что немногие из них, читавшие тетрадь, встретили их со смехом»⁵⁶. Платон Иванов в сентябре 1874 г. также писал о расколе среди семинаристов: «Великие ожидания сменились смехом от этих же ожиданий, нас же винят в неосторожности, быть может те же самые, которые (на совесть которых мы полагались) могли наущничать»⁵⁷.

После обнаружения «Развития» в июне 1874 г. и полутора месяцев расследования Денежников был исключён по решению правления 13 июля. Все его соучастники были переведены в следующий класс и вернулись в семинарию в сентябре. Они продолжали учиться вплоть до вмешательства в дело III-го отделения в октябре 1874 г., хотя инспектору было вменено в обязанность наблюдать за выбором ими книг для чтения⁵⁸. Начальник Архангельского губернского жандармского управления, явившийся в семинарию с обыском 20 октября, включил в список обвиняемых в издании «коммунистического» журнала, кроме известных правлению Денежникова, Иванова и Колчина, Михаила Усердова и Николая Попова (IV класс), который показал журнал своему родственнику, учителю Архангельского духовного училища Василию Новикову. Все четверо семинаристов были взяты под стражу и больше месяца содержались при полиции. Впоследствии Иванов и Колчин были исключены из семинарии, а остальные двое продолжили учиться под строгим надзором учителей.

Диалоги издателей и «рецензентов» журнала «Развитие» важны не только потому, что они показывают непосредственную коммуникацию авторов и читателей, реагирующих на текст во время чтения, а не формулирующих послания в письмах, как это было в случае с печатными изданиями. Они также позволяют проникнуть в устройство семинарского сообщества первой половины 1870-х гг. и увидеть, что даже в малочисленной Архангельской семинарии ученики не составляли сплочённой группы, объединённой чтением радикальной литературы. Знакомство с последней, которое демонстрировали некоторые из рецензентов, не обязательно вело к предельной радикализации, так же как тяжёлые материальные условия

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 159. 3-я экспедиция. Д. 144. Ч. 34. Л. 6 об.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 255 об.

бурсы не обязательно настраивали воспитанников против ректора. Особенно важной представляется дискуссия на полях «Развития» о сельских учителях, поскольку она представляет собой дискуссию о возможном будущем самих учеников духовной семинарии. Какими бы ни были мотивы возможного выбора этого пути, очевидно, что сама возможность такого выбора была ценна, т.к. позволяла участвовать в служении «народу» без радикального разрыва с собственным сословием.

Список литературы:

1. Балашова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. – 114 с.
2. Ляровский А.Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 117-125.
3. Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. – 439 с.

Об авторе:

САФРОНОВА Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

Handwritten journal *Razvitie* (Development) of the students of the Arkhangelsk Theological Seminary: dialogues between publishers and readers (1873–1874)

Ju.A. Safronova

European university at St.Petersburg, *St.Petersburg, Russia*

This article examines the handwritten journal «Development» as a social phenomenon within the Arkhangelsk Theological Seminary. By analyzing the responses of anonymous student reviewers, the author identifies the issues that provoked the most significant reactions. Contrary to expectations, texts addressing internal seminary problems—such as poor catering or expulsions for drunkenness—garnered fewer responses than those discussing broader economic issues and the plight of the common people. The latter, however, drew criticism from the readership, who primarily faulted the editorial board for its lack of independence and its reliance on the works of Nikolai Chernyshevsky and Dmitry Pisarev. The study concludes that rather than unifying the seminarian community as its editors had intended, the journal instead exposed and exacerbated ideological rifts within it.

Keywords: *Orthodox theological seminaries, generation of the 1870s, history of reading, handwritten journals, populism.*

About the author:

SAFRONOVA Julia Alexandrovna – Candidate of History, Docent, Department of History, European university at St. Petersburg (Russia, 191187, St.Petersburg, Gagarinskaya st. 6/1A), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

References:

- Balashova Ju.B., Shkol'naja zhurnalistika serebrjanogo veka.* SPb., 2007.
Ljarskij A.B., Shkol'nye rukopisnye zhurnaly i gazety konca XIX – nachala XX veka kak faktor socializacii, Vestnik Permskogo universiteta. Istorija, 2013., Vyp. 2 (22), S. 117–125.
Manchester L., Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligencija i stanovlenie sovremennogo samosoznanija v Rossii. M., 2015.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.